

УДК 811.161.1

DOI 10.52452/19931778_2023_5_205

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ, СОЦИАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОНЯТИЙ «ГЛУШЬ» И «ЗАХОЛУСТЬЕ»)

© 2023 г.

М.В. Милованова

Волгоградский государственный университет, Волгоград

mv_milovanova@volsu.ru

Поступила в редакцию 21.04.2023

Рассматриваются понятия «глушь» и «захолустье» как объективирующие процессы территориальной социальной эксклюзии и в отдельных случаях – социальной инклюзии. Определяются ядерные и периферийные языковые средства в структуре семантических полей данных понятий. В качестве ведущих групп-репрезентантов выделяются хоронимические, пространственные квалификаторы, дескриптивы, дейктические единицы, глагольные единицы социального перемещения по направлению из рассматриваемого объекта (*захолустье, глушь*), по направлению в рассматриваемый объект (*глушь*), квалификаторы категории отрицания (*глушь*). Сделан вывод о том, что лексема *захолустье* в большей степени, по сравнению с лексемой *глушь*, объективирует в контексте процессы территориальной социальной эксклюзии.

Ключевые слова: социальная эксклюзия, социальная инклюзия, семантическое поле «глушь», семантическое поле «захолустье», ядро, периферия.

Введение

В современный период развития науки все более востребован междисциплинарный подход, позволяющий охарактеризовать объект изучения комплексно, с различных сторон. Одним из научных направлений междисциплинарного характера являются социолингвистические исследования, в рамках которых актуальными будут проблемы, напрямую связанные с жизнедеятельностью субъекта, в частности различного рода взаимодействия человека в социуме и то, как это отражается в языке.

Релевантными категориями, отражающими отношения человека и социума, можно считать категории социальной эксклюзии, социальной инклюзии. Данные понятия достаточно подробно описаны в социологии. Первоначально они разрабатывались зарубежными социологами. Так, термин «социальное исключение» был введен Р. Ленуаром в 70-х годах XX в. для обозначения социально незащищенных групп населения.

В конце XX века и далее на протяжении XXI века в зарубежной социологии, как и в социолингвистике, интерес к изучению процессов социального исключения – социального включения возрос, что во многом объясняется изменяющимися социально-экономическими условиями и миграционными процессами. В работах европейских ученых-социологов ведутся так называемые «терминологические дебаты», в частности рассматривается неоднозначность

дефиниций, границы, признаки понятий «социальное исключение», «социальное включение», причем понятие «включение» рассматривается как дополняющее понятие «исключение» [1]; таким образом, социальному исключению, в силу значимых социальных последствий, уделяется в работах ученых намного больше внимания.

В отечественной социологии интерес к проблемам социальной эксклюзии и инклюзии начал пробуждаться в начале XXI века. В большинстве работ по указанной проблематике в качестве востребованных аспектов исследования выступают следующие: трактовка самих понятий социального исключения/включения (В.К. Антонова, М.С. Астоянц, А.В. Дмитриева, Е.О. Смолева, В.П. Столбов, М. Фриковски, В.В. Хухлина, А.А. Шабунова), выделение видов эксклюзии, соотношение ее с понятием бедности (К.Н. Григорьев, А.В. Дмитриева), характеристика данных явлений в сфере образования (И.А. Макеева, В.Р. Шмидт), а также в рамках отдельных групп – старшее поколение, группы с девиантным поведением (Д.А. Неваева, Л.А. Солдатова, В.В. Хухлина, Т.В. Шипунова).

В лингвистике на сегодняшний момент наблюдается определенная лакуарность в комплексном подробном описании данной проблемы, которая характеризуется фрагментарно. Так, в зарубежной лингвистике в большей степени проблема социального исключения – социального включения разрабатывается в рамках многоязычия, что вполне объяснимо современ-

ными миграционными процессами [2]. Другим направлением изучения рассматриваемых понятий в зарубежной лингвистике является их характеристика в рамках теории и практики коммуникации [3]. И отдельно следует назвать разработку прикладного аспекта применительно к социальной эксклюзии – социальной инклюзии, в частности работы, посвященные проблемам преподавания языка как способа социального включения и преодоления социального исключения (см., например, работы Сюзанны Майханович, университет Западного Онтарио, Канада; Мари-Кристин Дейрих, университет Бордо, Франция) [4].

В отечественной лингвистике проблема выражения в языке категорий социального исключения и социального включения разработана в меньшей степени: рассматривается, например, функционирование понятия инклюзии в немецкоязычном общественном дискурсе на материале текстов различной направленности [5]; отдельные исследования посвящены изучению языка остракизма, в частности на языковом уровне прослеживаются различия интенсивности переживания опыта социального исключения, выделяются глагольные отрицания как вербальная форма проявления социальной эксклюзии [6].

Процессы социальной эксклюзии – социальной инклюзии по своему характеру являются разнонаправленными, эксклюзия предполагает в самом общем виде удаление (по значению глагола *исключить*) определенного лица (лиц) из социальных отношений либо от соответствующих социальных условий. Инклюзия же, напротив, связана с приближением к соответствующим социальным условиям и включением в необходимые социальные отношения.

Категории социальной эксклюзии – социальной инклюзии могут быть рассмотрены в разных аспектах в зависимости от того, в каких социально значимых сферах существования индивида они находят отражение. Одним из таких аспектов является территориальный. Нам представляется целесообразным и интересным остановиться на характеристике особенностей объективации процессов территориальной социальной эксклюзии (прежде всего) и социальной инклюзии в языке, поскольку данный аспект не является до конца разработанным. Релевантным фактическим материалом в данном случае выступают тексты СМИ, в которых напрямую находят отражения сложившиеся представления о рассматриваемых категориях. Материалом исследования послужил Национальный корпус русского языка (НКРЯ) – газетный корпус; используется подкорпус периода с 2000 г. по 2021 г. [7].

Территориальная социальная эксклюзия – социальная инклюзия в самом общем виде представлены прежде всего оппозицией «центр – не центр», причем второй компонент данной оппозиции в большей степени структурирован, поскольку именно с ним связаны процессы различного рода социального исключения. В расширенном виде оппозицию «центр – не центр» можно представить следующим образом: *центр/город – периферия/село/деревня/глубинка/глушь/захолустье*.

В фокусе нашего внимания находятся единицы, объективирующие второй компонент обозначенной оппозиции – *не центр*. В рамках статьи мы подробно остановимся на единицах, которые часто трактуются как синонимы – *глушь* и *захолустье*. Именно данные лексемы прямо указывают на ту или иную степень территориального исключения из определенных социальных условий (по сравнению с центром/городом), что зафиксировано в словарях.

Анализ примеров из выборки ключевых лексем в газетном корпусе НКРЯ позволил выделить ряд семантических признаков, конкретизирующих обозначенные данными лексемами понятия и соответственно группы языковых единиц, объективирующих категории социальной эксклюзии – социальной инклюзии с точки зрения территориального аспекта.

В исследовании были использованы общенаучные методы описания, анализа, синтеза, обобщения и собственно лингвистические методы – структурно-семантического, контекстуального анализа, элементы метода компонентного анализа.

Результаты исследования

Обратимся к анализу семантики единиц *глушь* и *захолустье* в толковых словарях русского языка.

Глушь: первое значение в словарях имеет отношение к природному ландшафту и определяется через признак труднопроходимости; второе значение: место, удаленное от центров общественной и культурной жизни [8]; глухое, безлюдное или малолюдное место вдали от крупных населенных пунктов. Место, удаленное от центров общественной и культурной жизни [9]; отдаленное от поселений, пустынное место [10].

Данная лексема в своем значении подчеркивает признак пространственной и социальной удаленности, на что указывают прилагательные *труднопроходимое, удаленное от, малолюдное, безлюдное*. Ядерный семантический признак пространственного расположения здесь конкретизируется – большое расстояние от центра и малочисленность социума.

Захолустье: место, далекое от культурных центров, глухая провинция [11; 8; 10].

Лексема *захолустье* выступает синонимом к единице *глушь*, ведущей характеристикой является также удаленность от центра. Однако ядерный семантический признак в данном случае также конкретизируется – большое расстояние от культурного центра.

Выборка из эмпирического материала показала, что в семантических полях понятий *глушь* и *захолустье* ядро составляют единицы, непосредственно выражающие заключенные в значении лексем признаки пространственной, социальной и культурной удаленности. Остановимся на этом подробнее.

Прежде всего большую группу образуют хоронимические квалификаторы, номинирующие конкретную местность либо часть страны. В данной группе можно выделить две подгруппы: 1) имеющие отношение к России; 2) имеющие отношение к другим странам. Отметим, что преобладают имена прилагательные второй подгруппы. В рамках семантического поля «*глушь*» это прилагательные, образованные преимущественно от административных хоронимов (около 60%): *глушь австралийская, бразильская, мексиканская, болгарская, африканская, канадская, израильская, грузинская* и др., при этом ведущим семантическим признаком выступает прежде всего значительная пространственная удаленность от центра. В рамках семантического поля «*захолустье*» – адъективы, образованные как от административных, так и от географических хоронимов, обозначающих зарубежные территории (около 90%): *захолустье сирийское, андалузское, богемское, норвежское, сербское, польское, аляскинское, ирландское, аризонское* и др.

Подгруппа квалификаторов российского пространства (семантическое поле «*глушь*») составляет около 40% от всех примеров данной группы; здесь также отмечено преобладание прилагательных, образованных от административных хоронимов: *глушь тверская, псковская, муромская, ульяновская, костромская, рязанская, вятская*. Что касается семантического поля «*захолустье*», то адъективы, обозначающие российские территории, представлены в единичных случаях: *волжское*.

Отдельную подгруппу составляют ойконимы и хоронимы: *в деревне Стрельчиха, в глуши Тверской области...; захолустье Маньчжурии, Вирджинии, Китая, Перервы; Териберка* и др. Обратим внимание, что зарубежные объекты в фактическом материале исследования отнесены к семантическому полю «*захолустье*» с опорой на соответствующий видеоряд, поскольку речь идет, как правило, о сюжетах фильмов.

Вторую группу ядерной зоны семантических полей составляют дескриптивы, актуализирующие признак труднопроходимости, малой доступности чего-либо (поле «*глушь*»), большой удаленности, причем как с точки зрения отсутствия чего-либо значимого, так и с точки зрения отсутствия соответствующих социальных условий для жизнедеятельности (поля «*глушь*», «*захолустье*»):

глушь – непролазная, непроходимая, дремучая, унылая, партизанская, бездорожная, отменная (в значении усиления), дикая, страшная, чудовищная. Особо выделим контексты с высшей степенью представленности обозначаемого признака – *абсолютная, настоящая*: *При этом он шел в абсолютной глуши, там, где едва ли одна машина проезжает за день: с одной стороны, леса, болота, с другой – море (lenta.ru, 2019.10) (НКРЯ); Всё свое детство, лет до 16, Люся провела в настоящей деревне – не видела автомобилей, не знала, что такое телефон, в общем, жила в настоящей глуши (Известия, 2018.01) (НКРЯ); Это уже Тверская область. Настоящая глушь. Электричка также с Ленинградского вокзала на Тверь (Комсомольская правда, 2005.07) (НКРЯ) – в приведенных примерах высшая степень названного признака передана через отсутствие людей, благ и окружающий ландшафт (дикая природа);*

захолустье – забытое, глухое, унылое, прозябающее, дремучее, обыкновенное, тупое, обывательское и др. Данные дескриптивы, в роли которых выступают прилагательные и причастия, объективируют процесс социальной эксклюзии, выражая следующие семантические признаки: отсутствие внимания со стороны общества, малосодержательный образ жизни, беспечность, существование без развития. В такого рода контекстах в роли синонимов, уточняющих понятие *захолустья*, могут выступать единицы *периферия* и *деревня (деревушка)*, тем самым еще больше акцентируется противопоставление центра и не центра: *Они стали терять в доходах, Архангельскую область стали считать захолустьем, забытым местом, периферией (Коммерсант, 2020.09) (НКРЯ); Беженцы. Приехали в Россию, поселились в захолустье. Пусть дремучая деревня, зато войны нет (Комсомольская правда, 2017.03) (НКРЯ). Периферия, согласно словарям, толкуется в самом общем виде как удаленная от центра местность (Ожегов). Значение удаленности от центра может также подчеркивать прилагательное *провинциальное*: *А главная ее мечта — вырваться из этого провинциального захолустья и поехать учиться в Нью-Йорк... (Известия, 2018.03) (НКРЯ).**

Отдельно рассмотрим контексты в рамках поля «захолустье» с прилагательными *классическое* и *настоящее*. В такого рода случаях, как свидетельствуют примеры, подразумевается наличие фоновых знаний у носителя языка, поскольку приведенное имя собственное уже предполагает его восприятие как места, пространственно и социально удаленного от центра: – *Если регион не развивается, значит, просто местные чиновники не понимают, как и за счет чего это можно сделать. ... Например, наше классическое захолустье – Курганская область. Но ведь это сельскохозяйственный район, пограничный, через него идет «Транссиб»* (Комсомольская правда, 2017.12) (НКРЯ); *На днях актриса, награжденная высоким титулом Дамы Британской империи, обладательница Оскара за роль королевы Елизаветы II поехала вместе со старшей сестрой Кейт в настоящее захолустье – деревушку Курьяново под Смоленском* (Комсомольская правда, 2007.07) (НКРЯ).

Прилагательные, выступающие как дескриптивы, имеют, как правило, ярко оценочный характер, преобладает негативная оценка. В отдельных случаях (они немногочисленны) в контексте может быть выражена положительная оценка: *глушь живописная, прекрасная, пасторальная, нетронутая*; в такого рода контекстах признак малолюдности и труднодоступности оценивается положительно по сравнению с центром/городом; отсюда, в частности, примеры типа *предпочитаю глушь* (т.е. не многолюдный шумный город). Что касается семантического поля «захолустье», то негативная оценка может выражать непосредственно чувства, испытываемые субъектом, а может указывать на отсутствие соответствующих социальных условий, т.е. социальную эксклюзию. Положительную оценку в контексте передает только единица *родное* (например, в выборке из 100 контекстов – пять случаев употребления): *едет в родное захолустье*.

Особо хотелось бы отметить некоторую специфику понятия *захолустье* по отношению к обозначаемой территории, поскольку, в отличие от понятия *глушь*, данная территория может занимать достаточно большую площадь, что эксплицируют в контексте прилагательные *большое, обширное*, либо вмещать в себя несколько объектов: ... *Потом на этой земле вырос горно-металлургический комбинат, ставший позже «Норникелем», — он и дал толчок развитию заполярного города, который изначально задумывался и рос не как маленький городок в захолустье, а как мощный социально-творческий и политически важный проект, форпост новой власти на Крайнем Севере, знак*

утверждения ее силы и воли над людьми да и над самой природой (lenta.ru, 2016.07) (НКРЯ).

Захолустье может также обозначать территорию, удаленную от центра, но находящуюся вместе с центром в рамках одного объекта (захолустье – определенный район), в таких контекстах подчеркивается прежде всего не пространственная удаленность, а отсутствие соответствующих социальных условий, низкий уровень развития: *Деревни на Руси нынче не живут, а выживают, причем необщивно, жестко, по полугородским правилам: теплое, крестьянское, дружное вытеснено индивидуалистическим, потребительским, привнесенным из самых худших городских захолустьев* (lenta.ru, 2015.08) (НКРЯ).

Третью группу ядерной зоны образуют пространственные квалификаторы большой с точки зрения расстояния удаленности от центра. В рамках семантического поля «глушь» – это прилагательные *далекий, дальний* (и производные), обороты с местоимениями *где-то, кака-нибудь, куда-то* (неопределенность подчеркивает признак удаленности), интенсификаторы *такая, самая, какая*. Местоимение *такая* актуализирует признаки труднопроходимости и удаленности, в сочетании с прилагательными, обозначающими свойства, состояние, оценку и т.п., употребляется для выражения сильной степени названного свойства, состояния или для усиления оценки. Местоимение *самый* указывает на крайний предел качественного признака – в данном случае также труднодоступности и удаленности. Языковая единица *какая* эмоционально усиливает протяженность и отсутствие определенных условий: – *Месторождения Западной Сибири истощаются... и проект создал бы уникальный транспортный коридор всепланетного масштаба... но достаточно представить, какой там рельеф, климат, какая там глушь, чтобы понять – «завтра» не осилит* (Комсомольская правда, 2012.03) (НКРЯ); *Но дома находились где-то на хуторе, в далекой глуши, инфраструктуры никакой не было...* (lenta.ru, 2017.02) (НКРЯ); *Пришли за Косинским в начале 80-х: выяснилось, что он в самом деле провел детство в оккупированной Польше, но в какой-то глуши, до которой даже и немцы-то не дошли...* (Ведомости, 2001.02) (НКРЯ); *Подчас она «вытаскивает» таких талантливых людей да из такой глуши...* (Труд-7, 2001.01) (НКРЯ); *Священников приглашали со всей области, но мало кто соглашался долго жить в такой глуши* (Труд-7, 2001.07) (НКРЯ); *вообще-то впереди у него несколько лет исправительных работ в какой-нибудь мордовской глуши* (Аргументы и факты, 2005.09) (НКРЯ);

После пяти месяцев заточения в Афганистане его с завязанными глазами запихнули в самолет, а затем отпустили где-то в глуши, посреди Албании (Коммерсант, 2005.12) (НКРЯ); После этого питерский гигант исчез с глаз широкой публики, отправившись зализывать физические и душевные раны куда-то в глушь (Известия, 2007.05) (НКРЯ).

В структуре семантического поля «захолустье» пространственные квалификаторы большой/максимальной удаленности от центра немногочисленны и представлены устойчивыми выражениями *в забытом богом, за тридевять земель*. В данном случае значение удаленности – пространственной, социальной – может быть подчеркнуто неопределенно-личными местоимениями *какое-нибудь, какое-то*, причем указанные местоимения выражают значение неизвестности (т.е. неизвестно где это и что это) с оттенком пренебрежения: *В нем практически нет стрельбы, только в самом начале и самом конце, а основная часть действия разворачивается в помещениях в каком-то богом забытом аризонском захолустье* (Коммерсант, 2012.09) (НКРЯ); *Ты представляешь не какое-нибудь захолустье, а Россию* (Советский спорт, 2012.08) (НКРЯ); *Залы кажутся совершенно безликими, будто бы находятся не на Сретенском бульваре, а в каком-то захолустье на окраине города* (Коммерсант, 2017.11) (НКРЯ); *Ее мужа, моего деда, как "врага народа" расстреляли, после чего ее с двумя детьми выслали в какое-то захолустье, где она охраняла склад и по ночам ходила вокруг него с ружьем* (Труд-7, 2012.08) (НКРЯ).

В отдельных случаях социально-пространственная удаленность может эмоционально усиливаться местоимением *такое*: *Сейчас она становится похожа на западный город, а была таким захолустьем, когда я эмигрировал...* (Известия, 2018.10) (НКРЯ).

Отдельно в фактическом материале следует выделить группу языковых единиц, так называемых маркеров прошлых эпох: *советское, уездное захолустье*.

В составе ядерных языковых единиц семантического поля «глушь», в отличие от поля «захолустье» выделяется отдельная группа так называемых ландшафтных квалификаторов: *таежная, лесная, горная, горно-лесная*. В данной группе единиц в контексте актуализируется признак труднодоступности как с точки зрения собственно ландшафта – особый рельеф, густая растительность, так и с точки зрения пространственной и социальной удаленности, частотным является прилагательное *таежная* – около 55% в рамках выделенной группы, далее *лесная* –

около 30%: *Ну как удержишь цветущую девицу да доброго молодца в таежной глуши, когда в паре сотен километров – «сибирские Афины», то бишь Томск с десятками вузов, завидными женихами и невестами, с карьерной перспективой, наконец...* (Труд-7, 2000.08) (НКРЯ); *Полицейские считают, что живут в лесной глуши, до Бога высоко, до царя далеко, и никто им никогда ничего не сделает, – считает он* (Новая газета, 2018.06; речь в примере идет о Нижегородской области) (НКРЯ).

Языковые единицы, составляющие периферию семантических полей «глушь» и «захолустье», актуализируют прежде всего процесс социальной эксклюзии. Во-первых, это группа глагольных единиц различного рода социально обусловленного перемещения, причем применительно к понятию «глушь» данное перемещение может быть противоположно направленным. В большинстве случаев передано направление *из центра к не центру*: глагольные единицы *скрыться, сбежать, спрятаться, перебраться, рвануть*, которые подчеркивают невозможность либо нежелание в силу разных причин находиться внутри социума, тем самым указывая на процесс социальной эксклюзии. Например: *Потом эта идеальная пара скрылась в глуши, в деревне и прожила там много лет* (Коммерсант, 2005.08) (НКРЯ); *И он бежал из Москвы «в глушь!»* (Известия, 2001.07) (НКРЯ); *У сбежавших в глушь россиян захотели отобрать детей из-за нищеты. Однако в глуши семью тоже отыскивали и прислали письмо из суда с решением ограничить родителей в правах...* (lenta.ru, 2019.10) (НКРЯ).

Противоположно направленное перемещение представлено устойчивым выражением *вырваться из*, в данном случае мы можем говорить о направленном в будущее процессе преодоления социальной эксклюзии: *Единственным реальным шансом вырваться из глуши была армия, но Валентино даже в нее не взяли — военным не понравилось его субтильное телосложение* (lenta.ru, 2018.03; речь в примере идет об актере немого кино Рудольфе Валентино) (НКРЯ).

В рамках рассматриваемой группы отдельно следует выделить языковые единицы, выражающие перемещение субъекта как сознательный выбор, в такого рода случаях представлено особое восприятие глуши как места, далекого от цивилизации, в контексте может быть представлена оппозиция – «крупный город – глушь» через глагольные единицы *покинуть, поменять – удалиться, ехать*: *Каждый житель мегаполиса хотя бы раз в жизни мечтал навсегда покинуть город и поселиться в глуши, что-*

бы выполнять простую работу, потреблять только натуральную пищу, дышать полной грудью и не думать ни о чем лишнем (lenta.ru, 2019.03) (НКРЯ); *Так причудливо сложилась его жизнь, что уже по своему рождению он оказался во властной элите страны, но отказался от светских благ и карьеры, удалился в глушь, сменил имя, статус...* (Труд-7, 2006.01) (НКРЯ); *Живописные кочевья каракалпаков, суровая красота пустыни Кызылкум, развалины древних городов настолько его пленили, что он решил променять Москву на эту чудовищную азиатскую глушь* (lenta.ru, 2016.04) (НКРЯ); *Есть и другая тенденция – все больше столичных профи едут из столицы «в глушь, в Саратов»* (Комсомольская правда, 2007.04) (НКРЯ).

В рамках семантического поля «захолустье» глаголы перемещения в большей степени, по сравнению с полем «глушь», указывают на сопровождающие это перемещение процессы преодоления трудностей, препятствий (причем, напротив, здесь представлено движение по направлению к центру): *выбраться из, вырваться из, вытащить из*; префикс *вы-* и предлог *из* подчеркивают значение «изнутри – наружу», освободиться: *Ведь поначалу она была согласна на любой вариант, лишь бы выбраться из своего курляндского захолустья* (Курляндия – герцогство в западной части современной Латвии. – прим.) (lenta.ru, 2019.03) (НКРЯ); *А главная ее мечта – вырваться из этого провинциального захолустья...* (Известия, 2018.03) (НКРЯ); *Они ездили по всей стране, устраивая прослушивания и вытаскивая из захолустья понастоящему талантливых ребят* (Труд-7, 2014.11) (НКРЯ).

Встретился единичный случай перемещения по направлению из центра (однако данный случай имеет временно ограниченный характер): *Его герой – актер, который отправляется в захолустье и принимается изучать жизнь простых людей для своей новой роли менеджера в магазине* (РБК Daily, 2012.07) (НКРЯ).

Второй группой периферийной зоны семантических полей является группа дейктических единиц. Отметим, что мы исходим из самого общего понятия дейксиса: дейктический, т.е. указывающий, выделяющий, дифференцирующий посредством соотношения. Данная группа прежде всего выделяется в структуре семантического поля «глушь», в нее входят языковые единицы и выражения, указывающие на что-либо, имеющее непосредственное отношение к обозначаемому понятию (другими словами «атрибуты» глуши, в ряде случаев ставшие стереотипами), как правило, это именные сочетания: *дикая природа, разбитые дороги, редкие гости,*

одинокие усадьбы, деревянные наличники, овцы, коровы и др. Отмечены также устойчивое сочетание *медвежий угол* и прецедентный текст *глушь почище Шервудского леса* (прием аллюзии отсылает нас к непроходимым лесам – месту обитания Робин Гуда).

В составе периферии семантического поля «захолустье» группа дейктических единиц малочисленна, представлена единичными примерами, в качестве ведущих единиц отмечены именные сочетания, номинирующие соответствующие объекты либо характеризующие соответствующий образ жизни (как по отношению к настоящему, так и к прошлому): *Тавда – типичное провинциальное захолустье: много барачков, черных изб* (Парламентская газета, 2013.10) (НКРЯ); *Мир праху твоему, могучий русский человек, выбившийся из ничтожества и грязи захолустья...* (lenta.ru, 2019.04) (НКРЯ). В данную группу единиц можно также включить немногочисленные контексты, выражающие тяжелые социальные условия как значимую характеристику рассматриваемого понятия, например, единицы *трудная, выживание, одна: Жизнь 60-летнего настоятеля небольшого храма в захолустье трудна: «Зима – период проверки на выживание»* (Труд-7, 2012.02) (НКРЯ); *Живет он в захолустье, где по жизни одна дорога – работа по сортировке рыбы* (РБК Daily, 2017.06) (НКРЯ).

Отдельное место занимают случаи, в которых социальная эксклюзия объективируется через прямое противопоставление либо сопоставление двух объектов: центра и не центра. Применительно к понятию *глушь* такого рода контексты зафиксированы редко. В немногочисленных примерах представлена оппозиция *столица – глушь* либо *город (большой, шумный) – глушь (тихая, сельская)*; социальная эксклюзия выражена конструкцией «из – в», при этом субъект в большинстве случаев перемещается не по собственной воле, а в силу обстоятельств: *Девушка из глуши верит, что в Москве ее ждет белый лимузин с принцем Книгочеи* (Комсомольская правда, 2005.05) (НКРЯ); *Это главным образом даунишфтеры, в свое время перебравшиеся из больших городов в провинцию или даже сельскую глушь* (lenta.ru, 2017.03) (НКРЯ); *Из столицы в деревенскую глушь вынуждена была перебраться москвичка, вдова ветерана войны* (Vesti.ru, 2015.10) (НКРЯ); *С другой стороны, теперь у нее есть собственный дом, расположенный не в шумном городе, а в тихой сельской глуши* (lenta.ru, 2015.07) (НКРЯ); *На их взгляд, человек, укативший из столицы в глушь, либо в чем-то провинился, либо что-то украл и теперь вынужден прятаться* (Труд-7, 2010.11)

(НКРЯ). В последнем примере нашел отражение определенный стереотип – в глуши можно спрятаться.

В рамках семантического поля «захолустье» конструкция «из – в» также является востребованной, либо противопоставление выражено с помощью союза «и»: *Некоторые психологически не могут пожертвовать ощущением эйфории, возникшим после переезда из российского захолустья в 20-миллионный Шанхай с его небоскребами, ресторанами и прочими благами цивилизации* (lenta.ru, 2016.08) (НКРЯ); *Чтобы начать новую жизнь, совсем не обязательно перебираться из американского захолустья в столицу Европы* (Труд-7, 2012.01) (НКРЯ); *Форд строит кино как столкновение контрастов: геометрия хайтековских офисов, шикарных вилл Лос-Анджелеса – и техасское захолустье, ветхие лачуги прерии, где происходят жуткие события криминального романа* (Новая газета, 2016.12) (НКРЯ); *На практике, пояснил он, «имеется резкое отличие между уровнями жизни в столице и в провинциальном захолустье»* (Vesti.ru, 2004.06) (НКРЯ), причем в такого рода контекстах оппозиция может быть выражена не только единицами захолустье – город, но и квалификаторами данных ключевых понятий, подчеркивающими контрастность, например: *небоскребы, миллионы жителей, блага, офисы, виллы – ветхие лачуги*. Следует особо отметить, что квалификации в рамках оппозиции «центр – не центр» подвергается прежде всего центр.

Конструкция «из – в» может трансформироваться в «из – туда, где», которая предполагает подробную характеристику центра через квалификацию того, чего нет в захолустье: *Валентина Анатольевна вспоминает о Ларисе – Лариса, как и большинство ее сверстников, наверняка стремилась уехать из слишком провинциальных Бендер туда, где жизнь кипит, где можно удачно выйти замуж, найти хорошую работу, туда, где возможностей выбиться в люди больше, чем в захолустье...* (Комсомольская правда, 2011.12) (НКРЯ).

Случаи актуализации в эмпирическом материале понятия социальной инклюзии представлены единично: *Наша страна получила в лесной глуши современное производство* (Труд-7, 2007.08) (НКРЯ). В такого рода контекстах речь идет преимущественно о приобщении жителей данной местности к информационным технологиям.

Отдельно выделим случаи переносного употребления единицы захолустье. Отметим прежде всего встретившееся несколько раз устойчивое сочетание *футбольное захолустье* – по от-

ношению к стране, где этот вид спорта не является распространенным (например, Финляндия), либо по отношению к малоизвестным командам маленьких городов.

В других примерах с переносным употреблением лексемы признак удаленности от центра также остается ведущим, но переосмысливается как «неизвестное», «незамысловатое», «примитивное», «запущенное»: *Год назад она исследовала то, что заранее казалось ей захолустьем винного мира* (Ведомости, 2012.03) (НКРЯ); *Поэт Григорий Петухов отметил, что «начало нобелевской речи отдает захолустьем, районной многотиражной, деревенской прозой», так что «читать дальше ее не хочется»* (Известия, 2015.12) (НКРЯ); *Рим художника Майкла Вейла – пыльные ступени, увенчанные трибуной и статуей вождя со вскинутой рукой, удобные и для спонтанных толкучек, и для перестрелок: безликое пространство мирового захолустья* (Ведомости, 2012.11) (НКРЯ).

В рамках семантического поля «глушь» особо следует отметить востребованность в эмпирическом материале прецедентного текста *В деревню, в глушь, в Саратов* (прием аллюзии): *Не пора ли «в глушь, в Саратов» (где новое жилье в среднем стоит, кстати, всего 1.7 миллиона рублей)?* (lenta.ru, 2017.07) (НКРЯ).

В отличие от семантического поля «захолустье», в периферийной зоне семантического поля «глушь» выделяется группа квалификаторов категории отрицания: частотны глагольные конструкции с частицей *не*: *В этой глуши делать было нечего, только пьянствовать* (Коммерсант, 2000.05) (НКРЯ); *Мобильный в такой глуши не работает, и случись что – врача не вызовешь* (Аргументы и факты, 2001.06) (НКРЯ); *В глуши врачи не желали оставаться, потому долгое время практиковали вахтовое дежурство* (Труд-7, 2005.03) (НКРЯ); *Вообще-то Сергей догадывается, что ему положены какие-то льготы, но какие именно, не знает, и узнать в своей глуши толком не может* (Труд-7, 2000.11) (НКРЯ); *Почему человек должен оповещать всю милицию о том, что он приехал из тьмутаракани походить по музеям или купить то, что в его глуши не продается* (Коммерсант, 2006.02) (НКРЯ).

Выводы

Таким образом, проведенный анализ особенностей репрезентации в текстах СМИ категорий социальной эксклюзии и социальной инклюзии на примере понятий «глушь», «захолустье» выявил определенные закономерности отражения в языке процессов социального ис-

ключения и в меньшей степени – социального включения, а также позволил более детально охарактеризовать семантику ключевых лексем, выделив в их структуре ряд дополнительных признаков.

Понятия «глушь» и «захолустье» напрямую выражают процесс территориальной социальной эксклюзии, указывая на удаленность субъекта от соответствующих социальных условий, непоследовательное включение в определенные социальные отношения через актуализацию в контексте ряда семантических признаков.

В рамках семантического поля «глушь» представлены следующие характеристики социальной эксклюзии: труднодоступность, неопределенная удаленность от центра; возможность перемещения сюда с целью исчезновения из поля зрения; отсутствие чего-либо значимого для субъекта. Отметим, что социальная эксклюзия может восприниматься положительно – как, например, удаление от городского шума, суеты.

Семантическое поле «захолустье» обнаруживает сходство с полем «глушь», однако имеет свою специфику. В частности, позиционирование неопределенной удаленности от центра в данном семантическом поле в большей степени усиливается эмоционально; распространены номинации конкретных населенных пунктов (предполагающих фоновые знания); представлены языковые средства, указывающие на отсутствие развития, упадок, отсюда выражено стремление перемещения отсюда. В отличие от *глуши*, *захолустье* может быть конкретизировано пространственно – обозначать территорию, вмещающую в себя какие-либо другие объекты, либо, наоборот, выступать как часть другой территории.

Таким образом, социальную эксклюзию с точки зрения территориального аспекта в большей степени объективирует семантическое поле

«захолустье». Что касается процессов социальной инклюзии, то фрагментарно они находят отражение в семантическом поле «глушь».

Список литературы

1. Seifert R. Eine Debatte Revisited: Exklusion und Inklusion als Themen der Sozialen Arbeit // Zeitschrift für Inklusion. 2013. 3. Abgerufen von <https://www.inklusion-online.net/index.php/inklusion-online/article/view/25>
2. László Marác, Silvia Adamo. Multilingualism and Social Inclusion // Social Inclusion. 2017. Vol. 5. Iss. 4. P. 1–4. DOI: 10.17645/si.v5i4.1286.
3. Kallmeyer W. Sprachliches Verfahren der sozialen Integration und Ausgrenzung // Liebhart K., Menasse E., Steinert H. (Hrsg.): Fremdbilder – Feindbilder – Zerrbilder. Klagenfurt: Drava, 2002. S. 153–181.
4. Majhanovich S., Deyrich M.C. Language learning to support active social inclusion: Issues and challenges for lifelong learning // Int. Rev. Educ. 2017. 63. P. 435–452. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11159-017-9656-z>.
5. Лапина Л.Г. Понятие инклюзии в немецком общественном дискурсе // Социо- и психолингвистические исследования. 2017. № 5. С. 89–92.
6. Григорьева Л.М. Глагольные отрицания – вербальная форма проявления социальной эксклюзии // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 2. С. 157–166. DOI: 10.18384/2224-0209-2022-2-1096.
7. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
8. Толковый словарь русского языка в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл. ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.
9. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2000.
10. Словарь русского языка: В 4 т. / РАН. Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А Темп, 2020. 896 с.

ACTUALIZATION OF THE PROCESSES OF TERRITORIAL SOCIAL EXCLUSION, SOCIAL INCLUSION IN THE RUSSIAN LANGUAGE (BY THE EXAMPLE OF THE CONCEPTS OF «WILDERNESS» AND «BACKWOODS»)

M.V. Milovanova

The concepts of «wilderness» and «backwoods» are considered as objectifying processes of territorial social exclusion and, in some cases, social inclusion. The nuclear and peripheral linguistic means in the structure of semantic fields of these concepts are determined. As the leading representative groups, choronym, spatial qualifiers, descriptives, deictic units, verbal units of social movement in the direction from the object under consideration (*backwoods*, *wilderness*), towards the object under consideration (*backwoods*), qualifiers of the category of negation (*backwoods*) are distinguished. It is concluded that the lexeme *backwoods* to a greater extent, in comparison with the lexeme *wilderness*, objectifies the processes of territorial social exclusion in the context.

Keywords: social exclusion, social inclusion, semantic field «wilderness», semantic field «backwoods», core, periphery.

References

1. Seifert R. Eine Debatte Revisited: Exklusion und Inklusion als Themen der Sozialen Arbeit // *Zeitschrift für Inklusion*. 2013. **3**. Abgerufen von <https://www.inklusion-online.net/index.php/inklusion-online/article/view/25>
2. László Marác, Silvia Adamo. Multilingualism and Social Inclusion // *Social Inclusion*. 2017. Vol. 5. Iss. 4. P. 1–4. DOI: 10.17645/si.v5i4.1286.
3. Kallmeyer W. Sprachliches Verfahren der sozialen Integration und Ausgrenzung // Liebhart K., Menasse E., Steinert H. (Hrsg.): *Fremdbilder – Feindbilder – Zerrbilder*. Klagenfurt: Drava, 2002. S. 153–181.
4. Majhanovich S., Deyrich M.C. Language learning to support active social inclusion: Issues and challenges for lifelong learning // *Int. Rev. Educ.* 2017. **63**. P. 435–452. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11159-017-9656-z>.
5. Lapina L.G. The concept of inclusion in German public discourse // *Socio- and psycholinguistic studies*. 2017. № 5. P. 89–92.
6. Grigorieva L.M. Verbal negations – a verbal form of manifestation of social exclusion // *Bulletin of the Moscow State Regional University*. 2022. № 2. P. 157–166. DOI: 10.18384/2224-0209-2022-2-1096.
7. National Corpus of the Russian language. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
8. Explanatory dictionary of the Russian language in 4 volumes / Edited by D.N. Ushakov. M.: State Institute «The Soviet Encyclopedia». ASBMP; State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1935–1940.
9. Efremova T.F. New dictionary of the Russian language. Explanatory-word-formation: in 2 volumes. M.: Russian language, 2000.
10. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes / RAS. In-t linguistic research; edited by A.P. Evgenieva. M.: Russian language; Polygraph Resources, 1999.
11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. M.: Temp, 2020. 896 p.